

Глазунов Олег Николаевич**Glazunov Oleg Nikolaevich**

кандидат культурологии,
доцент кафедры политологии и социологии
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor,
Political Science and Sociology Department,
Plekhanov Russian University of Economics

Савченко Александр Леонидович**Savchenko Aleksandr Leonidovich**

лаборант кафедры политологии и социологии
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова

Assistant,
Political Science and Sociology Department,
Plekhanov Russian University of Economics

ОСОБЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

FEATURES AND PRIORITIES OF CHINA'S FOREIGN POLICY IN THE MIDDLE EAST

Аннотация:

Цель статьи – проанализировать особенности внешней политики современного Китая на Ближнем Востоке, в основе которой лежат уникальные дипломатические стратегии, разработанные китайскими политиками на долгосрочную историческую перспективу. В работе охарактеризованы основные внешнеполитические задачи КНР в отношении стран Ближнего Востока, изучены взаимоотношения и геополитическая стратегия Китая в регионе, рассмотрены основные цели и принципы отношений КНР с арабскими государствами. Определены итоги визита Си Цзиньпина в страны Ближнего Востока в январе 2016 г. и интересы Поднебесной в регионе на будущее. Согласно мнению авторов, Китай будет продвигать долгосрочные экономические проекты в этом регионе и крайне заинтересован в стабильной обстановке на Ближнем Востоке, руководствуясь при этом собственными прагматичными интересами. Активизация политики КНР в арабском мире показывает, что время стратегических уступок китайской дипломатии в отношениях с Западом ушло безвозвратно.

Ключевые слова:

КНР, Ближний Восток, Иран, Саудовская Аравия, экономическое взаимодействие, стратегическое партнерство, «мягкая сила».

Summary:

The purpose of this study is to analyze the features of modern China's foreign policy in the Middle East which is based on the unique diplomatic strategies developed by Chinese politicians over the long historical term. The research examines major foreign policy tasks of the PRC in relation to the countries of the Middle East, the specific nature of the relationships between them, and China's geopolitical strategy in the region. The authors consider the main objectives and principles of China's relations with Arab States. The results of Xi Jinping's visit to the Middle East in January 2016 and the regional interests of China in future are analyzed. The authors believe that China will promote the long-term economic projects in the region and have a strong interest in a stable environment in the Middle East guided by their own pragmatic interests. The intensification of China's policy in the Arab world shows that the time of Chinese strategic concessions to the West is over.

Keywords:

the PRC, the Middle East, Iran, Saudi Arabia, economic cooperation, strategic partnership, "soft power".

Китай является одним из наиболее стремительно развивающихся государств в современном мире, что неизбежно влечет за собой изменение его роли в мировых политических процессах. КНР стремится навязать собственную модель международных отношений, основанную на прагматизме, отказе от геополитического противоборства и признании общности интересов. Не случайно многие западные эксперты видят в растущей мощи Поднебесной претензии на глобальное лидерство. В связи с этим особенно актуальными становятся вопросы исследования внешнеполитической стратегии КНР в отношении стран Ближнего Востока, поскольку доминирование в этом регионе позволяет Пекину держать под контролем значительную часть мировых энерго-ресурсов и дает ему возможность утвердиться в качестве ведущего мирового игрока.

В целом Китай активно выстраивает отношения со странами Ближнего Востока в течение двух десятилетий и добился ощутимых политических и экономических успехов. И это был не просто асимметричный ответ КНР на американскую стратегию «возвращение США в Азию». Интерес к Ближневосточному региону во многом связан с теми долговременными задачами внешней политики Китая, которые были определены в 2012 г. на XVIII съезде КПК, – в частности, с построением в КНР к 2049 г. современного сильного и стабильного государства [1]. Понятно, что приоритетное значение в решении этих задач имеют экономические программы, которые Пекином успешно реализуются в различных регионах мира, в том числе на Ближнем Востоке.

В начале 2016 г. в Китае была принята новая стратегическая концепция в отношении арабских стран. Документ достаточно внушительный по своему объему, содержит около 7600 иероглифов, состоит из предисловия и пяти частей. Это был первый документ, в котором ясно прорисовывались контуры внешней политики Поднебесной на Ближнем Востоке на длительную историческую перспективу. Он также выявил стремление КНР играть в этом регионе значительную роль, укрепляя при этом отношения в политической и экономической сферах [2].

Сегодня Ближний Восток является ключевым элементом энергетической безопасности КНР. В последние годы экономические и политические позиции Пекина в этом регионе значительно усилились. Почти 60 % объема торговли КНР приходится на страны Аравийского полуострова – Катар, Королевство Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ, Оман и др. [3]. Значительное расширение долгосрочных и взаимовыгодных связей, укрепление своего авторитета и влияния в этом регионе являются одними из основных задач современной внешней политики Китая.

Учитывая важность для Поднебесной Ближневосточного региона, пост специального представителя КНР получил опытный дипломат Гун Сяошэн, который хорошо ориентируется в политических реалиях этого региона. Гун Сяошэн в начале 2000-х гг. занимал должность представителя Китая при Палестинской национальной администрации, затем был послом в Иордании и Турции. Назначение Гун Сяошэна на пост специального представителя КНР на Ближнем Востоке показывает, что ситуация в регионе Персидского залива является зоной интересов китайской внешней политики.

Стратегические задачи КНР на Ближнем Востоке определили характер внешнеполитической стратегии Китая. Первоначально она называлась «мирное возвышение», но затем была переименована в «гармоничный мир». Это было связано с тем, что слово «возвышение» воспринималось некоторыми государствами региона как агрессивное, представляющее собой определенную угрозу или даже вызов. В основе стратегии «гармоничный мир» лежит технология, которую европейцы называют «мягкая сила» [4].

В рамках этой стратегии Китай целенаправленно использует следующие комплексы активных мероприятий. Во-первых, подписание различного рода контрактов о свободной торговле, предоставление на взаимовыгодных условиях беспроцентных кредитов на экономические проекты, погашение долгов стран региона перед КНР и т. д. Во-вторых, постоянное освещение в СМИ гуманитарной и миротворческой миссии Поднебесной и дипломатическая помощь государствам Ближнего Востока. В-третьих, активное и целенаправленное продвижение китайского языка и китайской культуры в страны арабского мира, использование китайской диаспоры для решения поставленных экономических и политических проблем.

Более того, при решении поставленных задач КНР не только стремительно наращивает экономическое сотрудничество со странами Ближнего Востока, но и предпринимает серьезные шаги в целях вытеснения США и их союзников с рынков региона. В качестве примера могут служить особые экономические зоны на Аравийском полуострове, которые изначально создавались усилиями тайваньских транспортно-логистических центров.

Стратегия «мягкой силы» рассчитана на длительную перспективу (25–30 лет), и на этот проект Поднебесная ежегодно выделяет до 8 млрд долл., и это только на развитие и поддержание деятельности СМИ КНР (радио, телевидение, газеты «Чайна Дэйли», ИА «Синьхуа»). В роли журналистов «Синьхуа» могут выступать действующие сотрудники Министерства государственной безопасности Китая. В рамках стратегии «мягкой силы» центральное телевидение КНР в целях конкуренции с арабским телевидением запустило сразу пять телеканалов, осуществляющих вещание в круглосуточном режиме на арабском, фарси, французском, английском и т. д.

Китайские СМИ стараются не использовать идеологические штампы и марксистские догмы, стремясь активно пропагандировать экономические стратегии Поднебесной. Но, как показывает практика, китайский опыт совершенно неприменим в странах Ближнего Востока в силу местного менталитета.

В целом в результате стратегии «мягкой силы» Китай добился ощутимых политических и экономических успехов с минимальным расходом ресурсов, не вмешиваясь в вооруженные противостояния, которыми богат этот регион. Следует признать, что Китай старается не конфликтовать с государствами Ближнего Востока и поддерживает хорошие отношения со всеми арабскими странами. Так, у КНР взаимовыгодные и долгосрочные экономические и политические связи как с арабскими монархиями, так и с Ираном, Ираком и Сирией. Это связано с тем, что Поднебесная взаимодействует с ближневосточными странами без навязывания идеологических или политических догм, а на основе принципов равенства, справедливости, взаимного уважения и взаимной выгоды.

У Китая свое видение решения палестинского вопроса. Руководство КНР полагает, что справедливое разрешение палестино-израильского конфликта, построенное на принципах международного права, будет иметь большое значение для построения новой архитектуры безопас-

ности на Ближнем Востоке. При этом, учитывая, что экономические контакты Поднебесной с Израилем не велики, китайское руководство не будет «жертвовать» взаимовыгодными связями с палестинцами, рассчитывая на их помощь при выстраивании будущих отношений с арабским миром. Именно поэтому глава МИД КНР Ван И официально заявил, что Пекин и в дальнейшем будет поддерживать Палестину в вопросе независимости. В то же время, по оценкам китайских экспертов, среди ближневосточных стран именно Израиль является для Китая наиболее стабильным, безопасным и надежным партнером [5].

Руководство КНР негативно относится к последствиям проекта «арабской весны». В Пекине понимают, что всякое революционное потрясение в этом регионе напрямую подрывает энергетическую безопасность Поднебесной и угрожает нормальной работе уже выстроенных экономических схем. Так, например, падение режима Каддафи в Ливии обошлось китайским компаниям почти в 19 млрд долл. США, в водную транспортную артерию Египта было вложено около 30 млрд долл. США. Сегодня китайские компании активно инвестируют в инфраструктурные проекты на Ближнем Востоке. В Пекине понимают, что возникновение хаоса в регионе приведет к огромным экономическим и политическим потерям для Поднебесной, что срывает выполнение долгосрочных планов геостратегического масштаба.

Динамично развивающаяся экономика Китая находится на подъеме и требует привлечения огромного количества энергоресурсов. При этом примерно 70 % китайского импорта нефти и газа приходится на страны Ближнего Востока, главным образом на Саудовскую Аравию и Иран [6]. Поднебесная инвестировала огромные финансовые ресурсы в нефтедобывающие отрасли стран Аравийского полуострова. Спрос на нефть в Китайской Народной Республике будет только неуклонно расти, и в ближайшем будущем Ближневосточный регион будет оставаться для ее экономики основным поставщиком энергоресурсов.

В целом в своей ближневосточной стратегии Китай старается открыто не вмешиваться в конфликтные сферы запутанной восточной политики. Но стремительное развитие ситуации в регионе во все большей степени вынуждает Китай предпринимать пока только малозаметные шаги с целью обеспечения собственной безопасности. К тому же при всей важности Ближневосточного региона роль наблюдателя ни в коей мере не может являться для Китая опциональной. Именно в сирийском конфликте проходят боевую подготовку уйгурские сепаратисты из Синьцзяна – одной из самых горячих точек КНР.

В итоге Китай вынужден все активнее принимать участие в разрешении основных противоречий на Ближнем Востоке. Об активизации китайской политики в регионе свидетельствует визит председателя КНР Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию, Иран и Египет в январе 2016 г. По итогам совместных переговоров было заявлено о повышении уровня «всеобъемлющего стратегического сотрудничества» Пекина с тремя вышеуказанными странами, а также подписан целый ряд двусторонних соглашений о сотрудничестве в сферах торговли, экономики и инвестиций [7, с. 19].

В связи с этим следует отметить значительный рост военно-технического сотрудничества между Китаем и Ираном (ИРИ). Так, в 2014 г. прошли первые совместные военно-морские учения в Персидском заливе, а в 2013 г. иранский эсминец «Сабалан» и китайский «Харк» посетили портовый город Чжан Цзян в провинции Цзянсу. Министры обороны Китая и Ирана встречались в мае 2014 г. в Пекине, где стороны обсудили возможности по обмену опытом военного персонала в рамках двустороннего сотрудничества.

С приходом к власти в КНР Си Цзиньпина и избранием новой ближневосточной стратегии Иран стал одним из стратегических партнеров Китая в «большой игре» на Ближнем Востоке. В свою очередь, Тегеран пытается использовать возможности Поднебесной в своем противостоянии со странами Аравийского полуострова.

При этом руководство КНР старается не афишировать открыто свои связи с ИРИ, чтобы не вызвать недовольство со стороны Израиля, Турции и Саудовской Аравии, для которых усиление этого государства крайне нежелательно. Израиль опасается роста военной мощи Ирана, а для Саудовской Аравии и Турции политическое усиление ИРИ может привести к разрушению выстроенной системы безопасности в Ближневосточном регионе. В то же время следует отметить, что КНР развивает военно-техническое сотрудничество не только с Ираном, но и с другими ближневосточными государствами. В первую очередь речь идет об Ираке, Катаре и Саудовской Аравии.

Что касается военного конфликта в Сирии, то КНР поддерживает суверенитет и территориальную целостность этой страны, выступает за прекращение насилия и урегулирование сирийского кризиса исключительно мирными средствами. Более того, в Поднебесной полагают, что Россия и США должны провести консультации по прекращению огня в зоне конфликта и обеспечить оказание гуманитарной помощи стране. При этом руководство Китая считает, что решение сирийского вопроса должно проходить при содействии и под наблюдением ООН. Поднебесная и

в дальнейшем намерена прилагать усилия для продвижения межсирийского диалога и налаживания мирной жизни в стране.

В то же время вероятность того, что Китай присоединится к силовой операции в Сирии на стороне Дамаска и Москвы, мала, так как руководство КНР старается не втягивать вооруженные силы страны в открытые конфликты за пределами зоны своих стратегических интересов. Китайское правительство больше всего озабочено расширением американского влияния в Юго-Восточной Азии, т. е. в ближайших для страны географических регионах. Ближневосточная политика пока находится на втором месте в сетке геостратегических приоритетов.

Вместе с тем регион Ближнего Востока сегодня приобретает большое значение для КНР в связи с началом реализации планов Китая по созданию «нового Шелкового пути XXI века». Основные цели этого проекта следующие: во-первых, постепенно вовлечь экономику и рынки стран Ближнего Востока в зону влияния торгово-экономических и геополитических интересов Поднебесной, во-вторых, обеспечить эффективное продвижение китайских товаров на Европейский континент, в-третьих, обеспечить безопасность поставок в Китай энергоресурсов через Индийский океан и Малаккский пролив [8].

Для выполнения поставленных задач руководство КНР проводит программу по установлению долгосрочных и взаимовыгодных партнерских отношений со всеми государствами Аравийского полуострова. При этом в рамках стратегического проекта «Один пояс, один путь» уже подписаны соглашения по сотрудничеству с Катаром, Оманом, Саудовской Аравией, ОАЭ и т. д. Кроме того, некоторые арабские страны являются партнерами КНР по Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций. В целом руководство Поднебесной полагает, что именно экономический фактор будет наиболее важным элементом, формирующим китайскую внешнюю политику в отношении Ближнего Востока.

В то же время специалистам из КНР, которые будут участвовать в проекте «Один пояс, один путь», предстоит решить ряд проблем правового характера, поскольку законодательства большинства стран Ближнего Востока имеют серьезные различия в системе трудоустройства, налогового и финансового права, безопасности и т. д. Вызывает настороженность высокий уровень коррупции в этом регионе. Более того, китайские эксперты полагают, что судебные системы стран Ближнего Востока могут быть под управлением «внешних сил», что может значительно усложнить решение вопросов юридического характера.

Следует признать, что Китай в целях повышения эффективности стратегии «мягкой силы» в странах Ближнего Востока иногда использует сочетание «мягкой» и «грубой» силы, так как без применения жестких мер невозможно противостоять некоторым вызовам и угрозам (исламский радикализм, пиратство, транснациональная преступность и т. д.). Для выполнения этих задач уже сегодня Поднебесная строит новые военные базы в Африке и в странах Ближнего Востока. В рамках выполнения поставленных задач в Поднебесной стали активно развивать военно-морские силы. Более того, в Джибути была открыта первая за пределами КНР китайская военно-морская база. Корабли ВМФ КНР стали чаще появляться в водах, омывающих страны Ближнего Востока.

Главный фактор, который угрожает выполнению поставленных стратегических задач КНР на Ближнем Востоке, – это значительное военно-политическое присутствие США в регионе. В свое время спецслужбы Соединенных Штатов попытались использовать события «арабской весны» для нанесения удара по экономике КНР. Сегодня американские эксперты активно запугивают мировое сообщество утверждениями о китайской угрозе и имперских амбициях Поднебесной, убеждают страны Ближнего Востока отказаться от участия в китайских экономических проектах.

Отношения между двумя странами значительно ухудшились в связи с избранием президентом США Дональда Трампа. Существует вполне реальная возможность конфронтации. Но Китай пока не видит никакой опасности для своих ближневосточных проектов со стороны США, полагая, что американцы не обладают такими возможностями и ресурсами, которые могли бы сорвать стратегические планы КНР.

Многие арабские страны рассматривают КНР не только как надежного партнера, но и как альтернативную силу на Ближнем Востоке. При этом сами китайцы довольно успешно работают над формированием в регионе имиджа «дружественной и ответственной державы» [9]. Основным преимуществом внешней политики Поднебесной является то, что КНР выстраивает отношения с каждой из ближневосточных стран с учетом ее национальных особенностей и приоритетных областей сотрудничества.

Ссылки:

1. Александрова М.В. XVIII съезд КПК о стратегии «выхода вовне» и российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество // Экономика КНР в свете решений XVIII съезда КПК : в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. А.В. Островский ; сост. П.Б. Каменнов. М., 2013. С. 85–93.

2. Китайское правительство опубликовало первый документ о политике в отношении арабских стран [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2016-01/13/c_135006591.htm (дата обращения: 19.03.2018).
3. Подцероб А.Б. Арабские страны в мировой политике и экономике // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М., 2012. С. 23–44.
4. Грачиков Е.Н., Кочетков В.В. Идентичность как источник «мягкой силы» Китая // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 40–62.
5. Shichor Y. China's Upsurge: Implications for the Middle East // Special Issue: Israel's National Security in the Twenty-First Century. 2006. Vol. 12, no. 4. P. 665–683. <https://doi.org/10.1080/13537120600889902>.
6. О некоторых аспектах политики Китая на Ближнем Востоке [Электронный ресурс]. URL: <http://vpoanalyt-ics.com/2017/02/06/o-nekotoryh-aspektah-politiki-kitaya-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 19.03.2018).
7. Петрунина Ж.В. Китай и страны Ближнего Востока: история развития отношений во второй половине XX – начале XXI в. // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2016. № 1-2 (25). С. 16–20.
8. Грачиков Е.Н. Особенности внешней политики Китая: этапы смены стратегий // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 3. С. 34–46.
9. О некоторых аспектах политики Китая ...

References:

- Aleksandrova, MV, Ostrovsky, AV (ed.) & Kamennov, PB (comp.) 2013, 'The 18th National Congress of the Communist Party of China on the "going out" strategy and Russian-Chinese trade and economic cooperation', *Ekonomika KNR v svete resheniy XVIII s"yezda KPK*, in 2 parts, part 2, Moscow, pp. 85-93, (in Russian).
- Grachikov, EN 2015, 'Peculiarities of China's foreign policy: stages of strategic changes', *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel' – Observer*, no. 3, pp. 34-46, (in Russian).
- Grachikov, EN & Kochetkov, VV 2014, 'Identity as the source of the "soft power" of China', *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika*, no. 3, pp. 40-62, (in Russian).
- Petrulina, ZhV 2016, 'China and the countries of the Middle East: the history of relations in the second half of the 20th – early 21st centuries', *Uchenyye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 1-2 (25), pp. 16-20, (in Russian).
- Podtserob, AB 2012, 'Arab countries in world politics and economy', *Arabskiye strany Zapadnoy Azii i Severnoy Afriki*, Moscow, pp. 23-44, (in Russian).
- Shichor, Y 2006, 'China's Upsurge: Implications for the Middle East', *Special Issue: Israel's National Security in the Twenty-First Century*, vol. 12, no. 4, pp. 665–683. <https://doi.org/10.1080/13537120600889902>.